

Марка Ньюсона

Об австралийском дизайнере

Мария Сидельникова |

JESSE SHADON FOR WHITEWALL

GEORG JENSEN, чайный сервиз

«МНЕ нужна лампа. Все, что есть в магазине, меня не устраивает. Тогда я задаю себе один-единственный вопрос: какая лампа мне понравится? И начинаю ее делать». У Марка Ньюсона — человека-завода и одного из самых влиятельных современных дизайнеров — все просто. Дизайн должен решать проблемы, и если дизайнер хороший, то ему не нужна специализация: он хорош и в создании вилок, и космического корабля. Материал и масштаб меняется, но принципы остаются те же. Своим примером Ньюсон не устает это доказывать, не обращая внимания на ярлыки, упреки в попсовости и излишней понятности, сопутствующие его профессиональной неумности. Для наших домов он делает столы, кресла, светильники, зеркала, чайники и тостеры. Для домов модных, ювелирных, косметических и коньячных — рюкзак Louis Vuitton, ручку Montblanc, кольцо Boucheron, в его бутылки разливают духи Shiseido и коньяк Hennessy. Он проектирует то, что движется: велосипед Biomega, концепт-кар Ford 021C, персональный реактивный самолет Kelvin 40 по заказу Fondation Cartier и даже космический корабль для EADS Astrium. Оформляет интерьеры — частного джета Falcon 900B и парижского магазина своего друга Аззедина Алайи. И обожает часы: от самых первых 1986 года Pod watches к Atmos 561 и Atmos 566 для Jaeger-LeCoultre и, наконец, Apple Watch. Кажется, нет такой области, где бы Ньюсон не поставил свою марку. Кто-то шутил, что не было стиральных машин. Но на верняка уже сделал.

Марк Ньюсон родился в Сиднее. И даже сегодня в свои 52 года, с семьей и двумя детьми, со студиями в Лондоне и Париже и миллионными контрактами он по-прежнему выглядит как лохматый, небритый серфер, готовый в любую секунду броситься в океан ловить волну за хвост. Австралия дала ему не только чувство свободы, животный аппетит к жизни, но и

вкус к самым высокотехнологичным вещам. Сам Ньюсон, говоря о своей родине, отмечает это редкое сочетание дикой природы и молодого современного общества. Позже оно прорастет и в его работах. В детстве Ньюсон много путешествовал с семьей. Видел Европу, пожил в Азии. Говорит, что насмотренность — лучшее вдохновение.

Дизайну он никогда не учился. Вернувшись в Сидней, поступил в местную арт-академию. Изучал историю искусств, ювелирное ремесло и скульптуру. Главными учебниками по дизайну стали итальянские журналы Domus и Ottagono, которые он «одалживал» в газетном киоске, где подрабатывал после учебы. Так он узнал о существовании Memphis — легендарной группы итальянских художников, дизайнеров и архитекторов, которых в 1980 году в Милане объединил Этторе Соттсасс, чтобы создавать яркие, геометрические, не всегда практичные, но всегда смелые предметы интерьера из высокотехнологичных материалов. «Живьем» работы итальянцев, звезд так называемого поп-дизайна, Ньюсон видел в прибрежном отеле, который держала его мать. Тут были и модные по тем временам пластиковые офисные тумбы Джо Колombo — разноцветные и с выдвижными ящиками, и универсальные бинбеги — итальянские кресла-мешки, про авторство которых спорят до сих пор. На этом ньюсовские университеты заканчиваются. Сам он рад, что не впитал никаких традиций, а полагался только на собственный инстинкт. И он его не подвел.

Эксперименты с мебелью Ньюсон начал еще будучи студентом, и всего спустя два года после окончания учебы, в 1986 году, он создает свой первый хит — шезлонг Lockheed Lounge. Формой он напоминает кушетки французских будуаров XIX века. На такую можно было бы положить мадам Рекамье, но едва ли она там долго бы пролежала — а уж позировать Давиду точно